
Е. Н. АЛДАШОВА, А. Н. АЛДАШОВ

ЗАЩИТА ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Православию с его многовековой историей, традициями, обычаями, культурой, а также значительным влиянием в современной России отведена особая роль. Главным для сегодняшнего дня становится решение проблемы: сможет ли православие стать одним из определяющих факторов стабильного развития страны, повлиять на расстановку политических сил, решить проблему мирного сосуществования различных религиозных конфессий? Для того, чтобы молодое поколение достаточно полно представляло себе роль церкви в отечественной истории, необходимо прямое обращение к истории церкви, освещение ее с позиций взаимоотношения государства и религии.

Особую значимость в этой связи приобретает правовой аспект проблемы. Принцип отделения религиозных институтов от государства в Российской Федерации имеет конституционный статус. Он определен в Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях» (п. 2, ст. 4).

В различные периоды отечественной истории государство выступало гарантом принятого церковного законодательства. В этом плане время конца XV – первой половины XVII в. можно считать весьма важным периодом в истории русской православной церкви.

Во всех важнейших событиях, происходивших в нашем Отечестве, активное участие принимала православная церковь. Государственная власть также поддерживала церковь, что проявилось прежде всего в обеспечении материальных условий ее деятельности. Со времен Киевской Руси церковь вершила правосудие над всем христианским населением, не входящим в юрисдикцию княжеского суда, а также и над своими служителями и крестьянами, проживающими на ее землях. Юридические права церкви вместе с идей-

ным влиянием превращали ее в значительную силу. Но растущая экономическая самостоятельность церкви означала появление противоречий между духовной и светской властями.

В период монголо-татарского нашествия, когда была ослаблена власть князей, церковь превращается в мощное идеологическое начало объединения русских земель. В этот же период церковь окончательно становится крупным феодальным собственником. Права на землю оформлялись по княжеским грамотам. С XIV в. духовенство, опираясь на свое идеологическое и экономическое могущество, пытается влиять на государственные дела, а также утвердить православие как мировую религию. В 1448 г. русская церковь отказалась подчиниться решению VIII Вселенского собора об унии православной и католической церквей, чем утвердила самостоятельность русской церкви.

В правление Великого князя Ивана III русское духовенство в ответ на падение в 1453 г. Константинополя провозгласило «чистоту» собственной религии: «Москва – третий Рим, и четвертого быть не дано». При Иване III, стремившемся объединить все русские земли, была принята доктрина Иосифа Волоцкого, в известной степени отразившая противоречия между светской и духовной властью. «Власть государю дана от Бога, а право церкви судить поступки князя» – такова была сущность этой теории, принятой Великим князем для утверждения своего господства. В 1497 г. был создан Судебник – первый свод законов единого государства, в котором определялись обязанности должностных лиц, устанавливались процессуальные нормы и наказания за наиболее тяжкие преступления.

Значительным периодом в деятельности государства и церкви стало правление Ивана Грозного (1533–1584). В 1550 г. был принят Судебник, который значительно расширил, систематизировал и утвердил существовавшую судебную практику. В 1551 г. был издан Стоглав – правила внутрицерковной жизни. Наличие данных кодексов права говорило о стремлении царской власти к установлению единых законов, в том числе и для церкви, что означало централизацию самой этой власти. В 1589 г. в России было утверждено патриаршество. Русская церковь освободилась от остатков

формальной зависимости от константинопольских патриархов. Окреп престиж русской церкви и государства.

Однако верхушка общества не была еще готова принять идею о великом государе. Это привело к Смуте, когда были разорваны все связи внутри общества и был поставлен вопрос о существовании самого государства. Огромное значение в этот период приобретает деятельность церкви. Это проявилось и в правление первого царя династии Романовых. У власти одновременно с Михаилом находился и его отец – митрополит Филарет. Период освобождения страны от поляков и восстановления общественных связей был связан прежде всего с его деятельностью.

Однако в правление царя Алексея Михайловича власти удается добиться установления единого закона для духовенства. В России формировался абсолютизм. Соборное Уложение 1649 г., ставшее новым кодексом феодальных законов, прежде всего укрепило централизованное государственное управление и самодержавную власть царя.

Таким образом, период конца XV – первой половины XVII в. стал для русской церкви не только временем укрепления своего идеологического и экономического положения, но и попыткой оказать влияние на политическую власть, что окончилось, однако, победой государства.

Рассматриваемый период изучался отечественными историками с точки зрения различных аспектов деятельности церкви.

Дореволюционная историография ставила церковь в прямую зависимость от государственной власти (Карташев 1992: 12). В. Н. Татищев, выступая поборником естественного права, согласовывал его со Священным Писанием (Татищев 1979: 73). Однако в своей «Истории Российской» он резко высказывается против духовенства. По его мнению, упадок просвещения после татарского нашествия был вызван ослаблением власти государей и увеличением значения духовных властей (Там же: 82). Эту же точку зрения на духовенство утверждали и другие дворянские историки второй половины XVIII в.

М. М. Щербатов считал одной из причин монголо-татарского ига на Руси монахов, «вкравшихся в мирское правление» (Федосов 1967: 32).

И. Н. Болтин период Средневековья в России (конец XIV в. – XVII в.) выделял как время «грубейшего суеверия», распространяемого монахами (Ключевский 1959: 138).

Для первой половины XIX в., когда была утверждена уваровская теория официальной народности, характерны прежде всего работы М. П. Погодина. Главная роль в них отводилась самодержавию, православие являлось силой, поддерживающей царя, а народность рассматривалась как безграничная вера и подчинение власти, следование нормам православия (Цамутали 1977: 25). К. С. Аксаков считал, что «ход истории определяется религией и нравственностью народа» (Аксаков 1961: 284). По его мнению, лишь на основе православия могли сложиться истинные формы как общественной, так и политической жизни.

И. С. Аксаков считал, что у русского народа «нет ... ни сословной зависимости, ни сословной похотливости к власти» (Там же: 290). Следуя дальнейшим рассуждениям И. С. и К. С. Аксаковых, можно сделать вывод о существовании в России доверия и уважения между народом и властью: «Высшая правда принадлежала всегда государству, внутренняя правда – земле (народу)» (Там же).

В отношении религии К. С. Аксаков утверждал наличие «симфонии между государством и церковью». Примерами такого единства для него выступали периоды конца XIV–XV вв. – период собирания русских земель, когда без помощи церкви невозможно было решение данной проблемы, и период Смутного времени, когда вообще не было государственной власти. И. С. и К. С. Аксаковы производили анализ русской истории, исходя из роли общины в государстве, поэтому они не могли видеть, что период конца XIV – первой половины XVII в. был переломным. Это время определения формы государственного устройства, когда не существовало единства, прежде всего внутри господствующего класса. По этой причине не могло быть достаточно прочных отношений между властью и православием. Русская церковь всегда стремилась к господству в обществе и государстве, но в рамках государства и полити-

чески, и экономически церковь зависела от власти и могла существовать только при поддержке сверху.

Изучение государственного законодательства было начато еще в первой половине XIX в. в трудах В. В. Строева, Ф. Н. Моромнина, Н. П. Загоскина и Н. В. Колачева. Однако в них не рассматривалась история правового положения русской церкви.

Во второй половине XIX – начале XX в. этой проблемой занимались М. Ф. Владимирский-Буданов, И. Д. Белов, но и в их работах законодательство религиозных учреждений практически не освещалось.

Известный русский историк В. О. Ключевский в своих трудах уделил внимание церкви как одной из составляющих государства. Так, принятие в 1551 г. Стоглава он считал попыткой «привести в порядок религиозно-нравственную жизнь народа» (Ключевский 1993: 189). По его мнению, делами церкви заправляло государство, которое экономически привязывало к себе духовенство, предоставляя ему земли. В. О. Ключевский, анализируя процесс становления собственности в России до XVII в., считал, что именно монастыри содействовали увеличению тягости крестьянского труда и его закреплению, что позднее было зафиксировано законодательством (Там же: 210).

Таким образом, дореволюционной историографией правовое положение церкви ставилось в зависимость от государства. В трудах отечественных историков этого периода церковь и государство, несмотря на стремление к единству, представлены как две противоположности.

Дальнейшее изучение правового положения церкви было связано с трудами советских историков. В трудах известных историков феодального права И. И. Смирнова, Б. А. Романова, С. В. Бахрушина, С. В. Юшкова, Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова положение церкви по законодательству зависит от государственной власти (Бахрушин 1945: 40–56; Смирнов 1947: 70–85; Тихомиров, Епифанов 1961: 19–25; Юшков 1950: 150–174). Рассмотрение указов, касающихся церкви, проводилось в соответствии с изучением всего комплекса имевшихся на тот период юридических норм (Буганов, Преображенский 1980: 52–54; Каштанов 1967: 52–78; Покровский 1979: 72–75; Тихомиров 1979: 150). Особое значение

придавалось изучению русского духовенства как земельного собственника, что было начато еще В. О. Ключевским.

Советским историком М. Н. Покровским при изучении вопросов земельной собственности в России XV–XVIII вв. делается вывод о том, что церковь разжигала борьбу между боярством и дворянством и стремилась закрепить идею священства царской власти (Покровский 1979: 74).

Таким образом, советская историография несколько расширила спектр исследований по правовому положению русской церкви. Однако так же, как и в дореволюционный период, специальных работ по данной проблеме опубликовано не было.

Включение правового положения церкви в контекст государственного законодательства характерно и для трудов современного периода (Исаев 1992: 54).

Развитию законодательства в России, правосознанию правящих сословий в XV–XVIII вв. были посвящены сборники статей «Представление о собственности в российском обществе XV–XVIII вв.» (Горская, Швейковская 1998: 84–95) и «Собственность в России: средневековье и раннее новое время» (Горская 2001: 109–110).

Период составления основных Судебников 1497 г. и 1550 г. был связан с укреплением самодержавной власти, которой подчинялась и церковь.

В своем труде по социальной истории России периода XVIII – начала XX в. Б. Н. Миронов разделяет мнение о том, что внутрицерковная жизнь регламентируется церковными законами, а деятельность церкви рассматривается как часть государственного института (Миронов 1999: 282).

Таким образом, к периоду современной отечественной историографии относится наиболее четкая постановка проблемы по правовому законодательству церкви конца XIV – первой половины XVII в. Однако специальные работы по этой теме на сегодняшний день все же отсутствуют.

Преступления против религии и церкви ведут свое начало с церковных канонов. Практика, опережая законодательство, применяла к лицам, обвиняемым в противорелигиозных преступлениях, в частности в ереси, смертную казнь через сожжение. Так, в 1227 г. новгородцы сожгли четырех «волшебников» во дворе Ярослава;

весной 1446 г. Иоанн Можайский прилюдно сжег на костре за мнимое волшебство боярина Андрея Дмитриевича вместе с женой (Тельберг 1962: 222). Эта практика получила подтверждение в приговоре церковного собора 1504 г., предписавшем карать обвиняемых в ереси сожжением, урезанием языка и тюремным заключением. Однако последующие наказания еретиков значительно смягчились. Так, обвиняемые в 1554 г. Матвей Башкин и его товарищи подверглись лишь заточению в монастырях. Еще буржуазные ученые отмечали, что Россия – почти единственная страна, не допустившая свойственных периоду развитого феодализма массовых процессов в судах инквизиции и сожжения заживо тысяч людей (Там же: 230). Основой законодательства в Русском государстве в отличие от западного стала православная религия. В центре стояла охрана жизни, принадлежавшей богу. «Государственному убойце и крамольнику, церковному татю и головнику, подымщику и зажигальщику ... живота не давать, казнить смертной казнью» (Судебник 1497 г. 1984: 62–67). Это правило особенно соблюдается в XVI–XVII вв., хотя оно было установлено в конце XV в.

Первым светским памятником, признававшим ответственность лиц, совершивших злодеяние или нарушивших права и интересы церкви, стал Судебник 1497 г. Влияние православной религии сказывалось прежде всего на смягчении уголовных наказаний. Смертная казнь была установлена в 10 случаях, и в любом из них государь мог помиловать казненного. Отмена смертной казни и замена ее другим видом наказания связывались с изменением духовного облика и поведения преступника, сохранением его в лоне церкви. Конечно, уже в XVI в. (и особенно в XVII в.) закон становится более жестоким и беспощадным. Но в Судебнике 1497 г. отразилось стремление русской церкви быть не похожей ни на католическую церковь, в лоне которой практиковалась инквизиция, ни на восточную церковь, которая оказалась под властью Османской империи. Однако, несмотря на влияние духовенства на составление Судебника, в целом это был первый свод правовых норм Русского государства, в котором установлены виды преступлений и наказания за них. Соответственно государственная власть несла ответственность за исполнение этих норм перед обществом.

Стремление к абсолютной, неограниченной власти также говорило о едином законе и необходимости его соблюдения. Одним из основных вопросов Русского централизованного государства становится проблема перераспределения земельной собственности. Государство статьей 63 Судебника 1497 г. старается ограничить рост земельной собственности духовенства (Судебник 1497 г. 1984: 67). Опираясь на памятник права XIII в. – Правосудие Митрополичье, – данная статья Судебника устанавливает сроки для возврата чужой земельной собственности: для князей – 6 лет, для остальных категорий – 3 года.

В Судебнике имеются статьи, охраняющие права церкви как одного из общественных институтов, хотя сохраняется понятие светского и духовного суда. Так, отлучению от церкви подвергаются те, кто украл или попортил церковное имущество (Там же: 66). Разбирательству со стороны властей подвергались лица в случае перехода их в мусульманскую веру: необходимо было установить причину данного злого умысла (Там же). Но и здесь церковь старалась в значительной мере смягчить наказание. Отказ от православия влек за собой не смертную казнь, а просто монастырское заключение. Царская власть включала церковь в сферу своей юридической деятельности, выступая гарантом ее прав и интересов. В этот период начинается ограничение приобретений земельных владений церковью.

Принятие Судебника 1550 г. Ивана IV продолжило создание единого законодательства. Судебник состоит из 100 статей и по разнообразию регулируемых ситуаций значительно превосходит Судебник 1497 г. Это касалось и духовенства как одной из категорий населения, охраняемых законом.

Значение правовых принципов данного Судебника, созданного в период Избранной Рады, было настолько велико, что в 1565 г. – период учреждения опричнины – царь настойчиво добивался их отмены, чтобы развязать себе руки для начала террора (Калачев 1942: 26).

В Судебнике 1550 г. в отношении церкви был использован ряд статей. Так, советским историком права И. И. Смирновым были выявлены: постановление от августа 1503 г., предусматривавшее

ответственность духовных властей за мздоимство; «приговор» от 15 сентября 1550 г. о запрещении духовным феодалам создавать новые слободы и ставить в старых новые дворы (Смирнов 1982: 302–303). В Судебнике 1550 г. много статей, посвященных судопроизводству. В частности, в одной из них говорится, что осужденные церковным судом или по делам духовным подвергались монастырскому заключению (Судебник 1550 г. 1984: 134). Судом была установлена и процедура наказания за оскорбление патриарха боярином или думными людьми (ст. 27, 28 гл. X) (Там же: 140). Существовала «выдача с головой», то есть публичное покаяние, а затем – наказание плетью.

В феврале 1551 г. на церковном соборе в Москве Иван IV выступил с речью, в которой изложил 69 вопросов к церкви и просил дать ответы на них «по правилам Святых отцов». Ответы деятелей церкви составили книгу (Стоглав), разделенную на 100 глав, в основном по вопросам канонической жизни. Для практического руководства Стоглав был разослан по монастырям и церквям, но Земский собор 1667 г. отменил постановления Стоглава, а этот сборник в основном стал памятником старообрядчества (Смирнов 1982: 304).

В те же 50-е гг. XVI в. в царском окружении был составлен сборник бытовых, нравственно-моральных и юридических правил поведения – «Домострой». В «Домострое» проповедовались жесткие правила, посредством которых государственная власть намеревалась бороться с нарушением нравственных устоев (Домострой 1991: 3).

Царь Иван IV намеревался добиться от Собора согласия на секуляризацию церковных земель и установление подсудности духовных лиц светскому суду. Но участники Собора провозгласили неприкосновенность церковного имущества, исключительную подсудность духовных лиц церковному суду, а выданные ранее жалованные грамоты, устанавливавшие подсудность духовных лиц царю, были отменены.

Собор своими решениями также провел унификацию церковных обрядов и пошлин на всей территории России, выработал четкую регламентацию норм внутрицерковной жизни с целью повышения грамотности и морального уровня лиц духовного сословия,

правильного исполнения ими своих обязанностей. Помимо церковного законодательства он содержал нормы, относившиеся к сфере государственного (гл. 53–69), уголовного (гл. 37–38, 92–94), семейного (гл. 18–24) и гражданского (гл. 75–76) права, обеспечивавшие усиленную защиту интересов прежде всего духовного сословия.

Иван IV в Стоглаве уделяет внимание богатствам монастырей. По его установлению земли, переданные до издания Стоглава монастырям в дар от государства или от бояр и дворян на «помин души», остаются за ними (гл. 75) (Судебник 1550 г. 1984: 136). Однако ничего не говорится о дальнейших приобретениях церкви. Одновременно царь не разрешал «ставить новые слободы» и позволял подданным духовенства при желании «идти на пасад, или в села жити...» (Там же: 137).

В этот период царем фактически не предпринималось ничего против церковной собственности. В Стоглаве, как в любом кодексе церковного права, были установлены преступления и наказания за них. Если укравший из церкви частное имущество, положенное туда на хранение, наказывался помимо возмещения украденного отлучением от церкви, то укравший или обменявший церковное имущество рассматривался как церковный вор и подлежал высшей мере наказания.

Церковные тати с точки зрения Стоглава 1551 г. не столько вору и грабители, сколько отступники, враги церкви божьей. Стоглав дает расширенное понятие святотатства, относя к субъекту этого преступления любого человека, вплоть до царя, покусившегося, хотя бы лишь мысленно, на права и прерогативы церкви. Помимо церковной татьбы Стоглав включал в понятие святотатства нарушение порядка церковного благочиния – церковный мятеж. Это могло выразиться в появлении в церкви в пьяном виде, громком смехе, разговоре и других деяниях, не направленных прямо против церкви, но наносящих обиду церковнослужителям, трактуемую Уложением уже как их оскорбление. Субъектом этого преступления могло быть как светское, так и духовное лицо (Судебник 1550 г. 1984: 137, 139, 140). В Стоглаве такие преступления, как лжеприсяга и лжесвидетельство, направлены против учения христианской веры. Как наказание предусматривается строгое соблюдение православных норм (Там же: 138). Особым видом преступ-

ления, находящимся в церковной юрисдикции, становится и продажа вина – корчемство.

Таким образом, анализ статей Судебника 1550 г. и Стоглава 1551 г. показал, что не существовало еще юридического разделения между церковью и государством. Это отражало существующий порядок вещей: церковь по-прежнему отвечала за «идеологическую работу» в обществе и стремилась к господствующему положению в государстве.

Соборное Уложение 1649 г. выступает как последний сборник права, построенный по типу предыдущих судебников, в котором теоретическую основу составляло религиозно-правовое понимание юридических и политических процессов.

Соборное Уложение, где составы преступных деяний против религии выдвигаются на первое место в системе светского законодательства, а наказания за них ужесточаются (например, церковных татей предписывалось уже казнить без всякого милосердия – ст. 13 гл. XXI), расширяет само понятие церковного мятежа: убийства, нанесение ран, побоев, оскорбление словом, совершенные в церкви, а также обращение во время церковной службы к царю или патриарху с челобитной о расследовании дела (ст. 4–9 гл. I).

Уложение вводит понятие «богохульство». Это поношение, оскорбление словами или действиями, а также неверие, отрицание Бога, Богородицы, что являлось посягательством на основы христианского вероучения. Субъектом преступления могли быть не только христиане, но и люди других вероисповеданий. К богохульству приравнивалось совращение православного в мусульманскую веру, проведенное обязательно при наличии злого умысла (ст. 24 гл. XXII) (Соборное Уложение... 1986: 84–85).

Выделяя в 72-й статье главы X дифференциации бесчестья, Уложение вводит новый объект преступления – духовенство. Выплата бесчестья от 400 до 1 рубля зависела от объекта и субъекта преступления. Так, за бесчестье словом патриарха со стороны боярина или думного человека их «отослати к патриарху головою», то есть выдать в его полное распоряжение (ст. 27). Оскорбление словом митрополита, архиепископа или епископа влекло выплату бесчестья (ст. 28, 29). То же преступление, совершенное меньшим должностным чином – стольником, стряпчим, дворянином москов-

ским и другими, – наказывалось за патриарха батогами, за другие чины – тюремным заключением (ст. 30) (Соборное Уложение... 1986: 90). Таким образом, было введено уголовное наказание за данное преступление.

При спорах о местничестве или оскорблении патриарха боярином и думными людьми (ст. 27, 28 гл. X) полагалась «выдача головою». Это был обряд, направленный на унижение чести виновного. Последнего приводили на двор к тому, «с кем он быти не хотел», ставили его на нижнем крыльце, и он, стоя с непокрытой головой, ожидал выхода оправданного. Затем зачитывалось «царское жалование» и оправданный отпускал соперника, довольствуясь его унижением (Соборное Уложение... 1986: 92).

Наказание становится достаточно суровым, всякие разграничения между светскими и церковными преступлениями исчезают. Так, такие преступления, как лжеприсяга, переходят в разряд гражданских. Уложением 1649 г. за нее вводится публичная торговая казнь «по три дни» с последующим заключением в тюрьму и лишением права допуска к присяге впредь (ст. 9, 11 гл. XIV; ст. 27 гл. XI) (Там же).

Соборное Уложение 1649 г. ограничило земельные владения церкви, и прежде всего это был отказ от «поминов», передало государству «белые» слободы и учредило над духовенством феодальный светский суд. Нельзя было завещать недвижимость церкви. Согласно Уложению 1649 г., было определено духовенству наряду с другими сословиями заниматься служением богу. Фактически это означало подчинение церкви государству. Был учрежден Монастырский приказ, ставивший владения духовенства под контроль государства. Церковь стала необходимым государству идеологическим институтом, права и интересы которого защищало само это государство.

Соборное Уложение 1649 г. явилось завершающим этапом в правовом положении церкви в Русском государстве. Судебники 1497, 1550 гг., Стоглав 1551 г. признавали разграничение между светской и духовной властями. Соборное Уложение 1649 г. полностью ставит обеспечение защиты прав духовенства под государственный контроль. Это было необходимо для ограничения вмешательства церкви в политическую жизнь в период перехода к абсо-

лютизму. С другой стороны, власть получила в лице церкви идейного союзника, поддерживавшего ее при необходимости.

Анализ правового положения церкви в конце XV – первой половине XVII в. показал, что в Русском государстве не существовало истинной самостоятельности церкви. На протяжении данного периода между властью и духовенством имелись противоречия, основанные на стремлении церкви участвовать в управлении государством. В середине XVII в. эти противоречия были устранены. С этого момента во власти церкви находится нравственная жизнь общества. Но и это право было отобрано у церкви государством во время правления Петра I. Таким образом, церковь окончательно стала частью государственного механизма, которой фактически и оставалась до 1917 г.

Литература

Аксаков, К. С. 1961. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. В: Аксаков, К. С., *Полн. собр. соч.*: в 2 т. Т. 1. М.

Бахрушин, С. В. 1945. Избранная Рада Ивана Грозного. *Исторические записки*. Т. 15. М.

Буганов, В. И., Преображенский, А. А. 1980. *Эволюция феодализма в России*. М.: Наука.

Домострой / отв. ред. В. В. Колесова. М., 1991.

Горская, Н. А. (отв. ред.) 2001. *Собственность в России: средневековье и раннее новое время*. М.: Наука.

Горская, Н. А., Швейковская, Е. Н. (отв. ред.) 1998. *Представление о собственности в российском обществе XV–XVIII вв.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи*. М.: Ин-т истории РАН.

Исаев, И. А. 1992. *История государства и права России*. М.

Калачев, Н. В. 1942. *Судебник царя Иоанна Васильевича*. М.

Каргашев, А. В. 1992. *Очерки по истории русской церкви*. Т. 1. М.: Терра.

Каштанов, С. М. 1967. *Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в.* М.

Ключевский, В. О.

1959. И. Н. Болтин. В: Ключевский, В. О., *Соч.*: в 8 т. Т. VIII. М.

1993. *О Русской истории*: сб. лекций / отв. ред. В. И. Буганов. М.: Просвещение.

Миронов, Б. Н. 1999. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.)*. Т. 1. СПб.: Дмитрий Булавин.

Покровский, М. Н. 1979. *О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России*. М.

Смирнов, И. И.

1947. Судебник 1550 г. *Исторические записки*. Т. 24. М.: Изд-во МГУ.

1982. *Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в.* М.

Соборное Уложение 1649 г. *Российское законодательство X–XX в.*: в 9 т. Т. 3 / под ред. О. И. Чистякова. М., 1986.

Судебник 1497 г. *Российское законодательство X–XX вв.*: в 9 т. Т. 2 / под ред. О. И. Чистякова. М., 1984.

Судебник 1550 г. *Российское законодательство X–XX вв.*: в 9 т. Т. 2 / под ред. О. И. Чистякова. М., 1984.

Татищев, В. Н. 1979. *История Российская*. Т. 1. *Избранные произведения* / под ред. С. Н. Валка. Л.: Наука.

Тихомиров, М. Н. 1979. *Российское государство XV–XVII вв.* М.

Тихомиров, М. Н., Епифанов, П. П. 1961. *Соборное Уложение 1649 г.* М.: Изд-во МГУ.

Тельберг, Г. Г. 1962. *Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве в XVII в.* М.

Федосов, И. А. 1967. *Из истории русской общественной мысли XVIII столетия*: М. М. Щербатов. М.

Цамутали, А. Н. 1977. *Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в.* Л.: Наука.

Юшков, С. В. 1950. *Судебник 1497 г.* М.